

Ник Данн

Тот день

Когда я представляю свою жену, то прежде всего вижу голову. Увидев ее впервые с затылка, я решил: в форме черепа есть что-то умилительно-округлое. Он напоминал спелый орех или окатанный камень со дна реки. В Викторианскую эпоху сказали бы: голова идеальной формы. Я узнаю эту голову где угодно.

Глядя на нее, с легкостью можно представить череп.

И то, что внутри. Об этом я тоже думаю — о ее разуме. Мозг с уймой извилин, по которым стремительными многоножками бегают мысли. Подобно ребенку, я воображаю, как вскрываю череп Эми и разматываю, как клубок, извилину за извилиной, прочесываю их, пытаюсь найти и выловить мысли.

«Эми, о чем ты думаешь?» — вот вопрос, который я чаще всего задавал за время нашей семейной жизни. В основном не вслух, а мысленно. Думаю, такие вопросы клубятся, словно грозовые тучи, над каждой супружеской парой.

«О чем ты думаешь? Что чувствуешь? Кто мы? Что сделали друг для друга? Что еще нам предстоит сделать?»

Мои глаза открылись ровно в шесть утра. Не затрепетали ресницы, как птичьи крылья, не наступило медленное пробуждение, нет. Обыденный механический процесс. Как будто фокусник распахнул черный ящик. Только что мир окутывала тьма, и вдруг — бац! — свет. На часах горели цифры — 6:00. Редкое событие. Обычно я не просыпаюсь в круглое время. Мои пробудки беспорядочны: то в 8:43, то в 11:51, то в 9:26... У меня вообще беспорядочная жизнь.

И в этот круглый миг, в 6:00, солнце перевалило через выстроившиеся на горизонте дубы, явив себя строгим летним владыкой. Его лик вспыхнул по ту сторону реки, к нашему дому протянулся длинный сияющий палец и уперся прямо в меня сквозь хлипкие занавеси грозным жестом: тебя увидели и уже не спустят глаз.

Я уткнулся носом в подушку на нашей нью-йоркской кровати, привезенной в новый дом. Мы все еще называли его новым домом, хотя переехали больше двух лет назад. Арендованный коттедж на берегу Миссисипи был вызывающе роскошным, как загородный дворец нувориша. Сюда я стремился с самого детства, жизнь в большом городе тяготила меня.

Дом, где все знакомо до мелочей... но моя жена его ненавидит.

«Может, мне душу оставлять при входе?» — осведомилась она, едва появившись здесь.

Тогда Эми настояла не на покупке, а на аренде дома в моем родном штате Миссури, всерьез рассчитывая, что надолго мы не задержимся. Но сдаваемые дома столпились именно здесь, в крошечном городе-призраке, разоренном кризисом. Недвижимость переходила в собственность банков, падая в цене до немислимых пределов. Коттеджные поселки в окрестностях закрывались порой раньше, чем успевали открыться. С моей стороны это был компромисс, но Эми так не считала. Она называла мой поступок прихотью эгоиста, предательской, как удар ножом исподтишка. Оказывается, я перетащил ее из настоящего города с его кипучей жизнью в глушь и дикость, заточил среди деревенщины, над которой она привыкла потешаться.

Я всегда считал, что для достижения компромисса к нему должны стремиться обе стороны. Но почему-то все наши компромиссы были односторонними. Один из нас обязательно оставался недовольным. И как правило, это была Эми.

Не надо злиться на меня, Эми. Не надо называть это «миссурийской катастрофой». Злись на экономику, на невезение, на моих родителей, на своих родителей, на Интернет и на интернет-пользователей.

Я привык зарабатывать писательским трудом, сочинять романы, сценарии для кинофильмов и телевизионных программ.

Когда-то люди читали с бумаги, и я жил не тужил. Я приехал в Нью-Йорк в конце девяностых; в ту пору престиж писательского труда уже дышал на ладан. В Нью-Йорке автор на авторе сидел и автором погонял. И это были самые настоящие писатели, поскольку хватало журналов, газет, книжных издательств. Интернет тогда казался экзотической зверюшкой в отдаленном уголке информационного мира — кинь ей горстку корма и любуйся, как она пляшет на коротком поводке; не надо бояться, что однажды ночью подкрадется и прикончит тебя. Подумать только! Было время, когда вчерашний выпускник колледжа приезжал в Нью-Йорк и зарабатывал на жизнь литературой. Разве мы могли предполагать, что осваиваем ремесло, которое уже через десять лет станет никому не нужным?

Целых одиннадцать лет у меня была востребованная работа, а потом раз — и пропала. По всей стране хирели вместе с экономикой и закрывались журналы. Писатели (то есть писатели моего типа — трудолюбивые беллетристы, вдумчивые философы, недостаточно гибкие, чтобы уйти в блогеры и городить всякую чепуху, в большинстве своем упрямые старые гордецы) исчезали, подобно создателям дамских шляпок или извозничьих кнутов. Наше время ушло. Через три недели после того, как я получил от ворот поворот, лишилась работы и Эми. Могу представить, как она заглядывает мне через плечо и ухмыляется, читая строки, где я рассуждаю о своей карьере, о неудачах и увольнениях. Все ее отношение к моим рефлексиям помещается в одной фразе. «Как это типично, — говорит она. — Как это на тебя похоже, Ник».

Эти слова звучат как рефрен. Чтобы упасть в ее глазах, достаточно показаться похожим на меня.

Два взрослых безработных человека, мы блуждали по ржавым бруклинским пескам в носках и пижамах, наплевав на будущее, расшвыривая нераскрытые конверты по столам и диванам, поедая сливочное мороженое, с десяти и до полудня, а после обеда отсыпались.

А однажды зазвонил телефон. На другом конце провода была моя сестра-двойняшка. Марго тоже потеряла работу в Нью-Йорке и вернулась домой. Девочка вечно опережала меня на

шаг, даже когда получала пинки от судьбы-злодейки. Она звонила мне из старого доброго Карфагена, штат Миссури, из дому, где мы выросли. Прислушиваясь к голосу Марго, я видел ее десятилетней, с волосами как копна, в шортах на помочах, сидящую на дедовском причале. Она горбилась, смахивая на старую подушку, и внимательно следила за белесой, как рыба, ногой, которой болтала в воде. Марго всегда была очень сосредоточенной девочкой.

Добрым, даже можно сказать ласковым, голосом она сообщила удручающую новость. Наша нестигаемая мама умирала. У отца дела обстояли не лучше, его отвратительный разум и ничтожная душа угрюмо брели в серую мглу посмертия. Но по всему выходило, что мама и в этот раз его переплюнет. Врачи давали ей шесть месяцев, ну самое большее год. Я узнал, что Го беседовала с доктором без свидетелей и тщательно записала его слова своим неразборчивым почерком. И теперь, пытаюсь расшифровать заметки, неизменно срывалась на плач.

Ее смущали сроки и дозировки.

— Ну, мать его растак, поди вспомни, что он имел в виду! Что значит — девять?! — восклицала она, и я решил.

Вот она — цель, задача. Лежит на ладони у сестры, будто спелая слива. Я едва не закричал от восторга и облегчения:

— Я возвращаюсь, Го! Мы едем домой. Тебе не придется тащить все на себе.

Она не поверила. Я услышал ее вздох в трубке.

— Го, я серьезно. Почему бы и нет? Здесь меня ничто не держит.

— А что скажет Эми? — буркнула она.

Вот об этом я и не подумал. Просто решил, что суну в чемодан свою нью-йоркскую жену с ее нью-йоркскими увлечениями и нью-йоркской гордыней, уволоку ее от нью-йоркских корней, из буйного и полнокровного Манхэттена в городишко на берегу Миссисипи, и дело с концом.

Я еще не понимал, какой я глупец и оптимист. Я тогда совершенно не умел трезво глядеть на мир. И не представлял себе, в какую передрягу вляпаюсь.

— Эми будет не против. Эми...

Тут я должен был сказать что-то вроде: «Эми любит нашу маму», но не смог, так как за все время нашего супружества они почти не общались. Несколько встреч оставили у обеих неприятный осадок. После каждого разговора Эми несколько дней не могла успокоиться: «Что она имела в виду?» Как будто наша мама — первобытная охотница. Заявилась из прерий с мешком бизоньего мяса и предлагает меняться, а Эми не может понять, на что именно.

Эми не хотела знакомиться с моей семьей, не хотела видеть мою родину, но почему-то переезд не казался мне плохой идеей.

Когда подушка нагрелась от дыхания, мои мысли двинулись в другом направлении. Нынешний день не годится для сожалений или копания в прошлом, его нужно провести активно. Снизу доносились давно позабытые звуки — Эми готовила завтрак. Гремели дверцы шкафов (литавры!), звенели стаканы и консервные банки (колокольчики!), дребезжали кастрюли и жестяные коробки (тарелки!). Кулинарный оркестр достиг крещендо и энергично устремился к финалу. Форма для запекания свалилась на пол, отскочила и стукнулась о стену — это цимбалы. Этим утром на завтрак меня ожидает нечто особенное. Например, блинчики. Блинчики — это и есть нечто особенное в понимании Эми.

Сегодня пятая годовщина нашей свадьбы.

Босиком я прошлепал к лестнице и прислушался, зарывшись пальцами ног в ворс однотонной ковровой дорожки, которую Эми не любила из принципа, и задумался: готов ли я присоединиться к жене? Сама она на кухне не догадывалась о моих сомнениях и что-то меланхолично напевала. Что-то очень знакомое. Я попытался вспомнить: это что-то фольклорное или колыбельная? А потом понял! Это тема из сериала «Чертова служба в госпитале МЭШ». «Самоубийство не причиняет боли, оно приносит много перемен...» И я пошел вниз.

На пороге кухни потоптался, глядя на жену. Ее желтые, как сливочное масло, волосы, собранные в пучок на затылке, весело взбрыкивали. Эми посасывала обожженный палец и мурлыкала под нос. Обычно она пела про себя, поскольку я не знал

человека, хуже, чем она, запоминающего стихи. Когда мы справили первую годовщину, по радио крутили песню группы «Генезис»: «She seems to have an invisible touch, yeah»¹. А Эми вместо этого напевала: «She takes my hat and puts it on the top shelf»². Когда я спросил: «Ну, как ты до этого додумалась, ведь ни малейшего же сходства?» — жена ответила: ей представляется, что женщина, о которой речь, так любит своего мужа, что бережно хранит его шляпу на самой верхней полке. Я знал, что она любит меня, поэтому тогда был вполне удовлетворен таким объяснением.

Есть нечто трудносовместимое в теплых воспоминаниях и нынешних прохладных отношениях.

Эми, внимательно следя за пузырящимся на сковородке блинчиком, что-то слизнула с запястья. Она выглядела сногшибательно, как и положено моей жене. Если сейчас обниму ее, то почувствую запахи ягод и сахарной пудры.

Оглянувшись на меня, стоящего в застиранных трусах-боксерах, с волосами как у Хита Майзера из «Года без Санты», она оперлась о кухонный стол и протянула:

— Ну, с добрым утром, трудолюбивый мой.

Горечь со страхом подступили комком к горлу. И я подумал: «Ладно, иду».

Я вечно опаздывал на работу. Мы с сестрой сделали большую глупость, когда вернулись в родные края. Совершили поступок, о котором мечтали с детства. Мы открыли бар. Деньги одолжили у Эми. Восемьдесят тысяч долларов. Когда-то эти деньги были для нее сущим пустяком, но теперь — почти все ее состояние. Я клятвенно пообещал все вернуть, и даже с процентами. Ведь я не из тех мужчин, которые живут за счет жены. Сразу представил себе отца, брезгливо скривившего губы от одной такой мысли. И его уничижительную фразу: «Да, есть много разных мужиков, но ты самый никчемный из всех».

Но на самом деле мы приняли правильное решение, пошли на оправданный риск. Оба мы, Эми и я, нуждались в новой карь-

¹ «Кажется, она обладает невидимым прикосновением, да» (из песни «Invisible touch»).

² «Она берет мою шляпу и кладет на верхнюю полку».

ере, а этот бизнес как раз по мне. Пока она отвергает одно предложение за другим, нам нужен стартовый капитал, а где его взять, если не в «стабилизационном фонде Эми»? Подобно тому как я арендовал коттедж проекта «Макмэншн», я вложил в бар, в то символическое место из детских представлений, куда допускаются только взрослые.

Может быть, именно поэтому, оставшись без средств к существованию, я был так настойчив в намерении приобрести бар. Он напоминал, что я все-таки взрослый мужчина, человеческая единица, способная приносить пользу, хоть моя карьера пошла прахом. Ошибки я не повторю. Пускай бесконечные стада «востребованных» писателей продолжают скульптуриться и жаловаться — на Интернет, на кризис, на американского потребителя, предпочитающего пялиться в телик, или гонять видеоигры, или переписываться в социальных сетях, рассказывая о пролившемся где-то дожде! Но никто не откажется за глотком другим бурбона провести конец жаркого дня в прохладном полутемном баре. Мир никогда не бросит пить.

Наш угловой бар представлял смешение всех вкусов и стилей. Особенно бросалась в глаза массивная викторианская стойка, где драконы и ангелы словно пытались высунуть головы из дуба, — довольно экстравагантная работа резчика по дереву в пору засилия пластика. Признаться, остаток убранства выглядел как полное дерьмо. По дрянному кусочку от каждого десятилетия минувшего века: линолеум эпохи Эйзенхауэра, покорбленный, как пережаренный гренок; весьма неприглядная панельная обшивка стен словно шагнула из домашнего порно семидесятых; галогеновые светильники на полу — дань памяти моей комнате в общежитии в девяностые. Но окончательный дизайн получился на удивление уютным и довольно веселеньким — обстановка меньше напоминает бар, чем если бы она была тщательно продуманной. Парковка у нас общая с кегельбаном, и, когда распахиваются двери, грохот шаров аплодирует входящему посетителю.

Бар мы назвали просто: «Бар».

— Лучше прослыть стебщиками, чем креативными банкротами, — рассуждала сестра.

Да, мы мнили себя хитровыделанными ньюйоркцами... О том, что название — тонкая шутка, догадались, может быть, двое-трое клиентов, но погоды они не сделали. То есть никаких сверхприбылей.

А мы-то навоображали себе местных, чешущих затылки: «Эй, зачем вы назвали свое заведение „Баром“?» Но первая же посетительница, дамочка в бифокальных очках и розовом спортивном костюме, заявила: «А мне нравится название. Вроде как ту кошку у Одри Хепберн в „Завтраке у Тиффани“ звали просто Кошка».

С тех пор мы гораздо меньше заносились, и правильно делали.

Я свернул на парковку, подождал, пока в кегельбане не случится страйк — спасибо, спасибо, друзья мои! — и вылез из машины. Пока еще мне нравились здешние виды — глаз не замылился. И почта из белого кирпича по ту сторону улицы (теперь закрытая по субботам), и скромное здание цвета беж — городская администрация (тоже временно закрытая). Небогатый и вовсе не большой город. Дьявольщина, даже собственного имени у него не было! В штате Миссури два Карфагена, между ними сотни миль, и наш, промышленный, Северный, меньший из тезок. Станный городок возник в 1950 году на месте рабочего поселка, а потом слегка разросся на почве научно-технического прогресса. Здесь родилась и прожила всю жизнь моя мама, поставила на ноги меня и Го, так что город имеет историю. По крайней мере, для меня.

Шагая в сторону бара по стоянке с пробивающимся сквозь щели в бетонных плитах бурьяном, я глядел на реку за дорогой. Вот что я всегда буду любить в нашем Карфагене. Мы и поселились не на безопасном пригорке с видом на Миссисипи, а на самой Миссисипи. Я мог спуститься по тропинке, прыгнуть в воду с трехфутового обрыва и уплыть в штат Теннесси. Каждая новостройка в деловой части словно показывала линию, до которой доходили разливы шестьдесят первого, семьдесят пятого, восемьдесят четвертого, девяносто третьего годов прошлого века, седьмого, восьмого, одиннадцатого годов этого столетия.

Сейчас не было половодья, но в реке угадывались мощные течения. По дороге к берегу цепочкой спускались люди. Мой

взгляд скользил по их ногам и плечам, ни на ком не задерживаясь. И вдруг один пешеход поднял голову. Темное лицо, словно овальный клочок черноты. Я отвернулся.

Возникла настойчивая, просто необоримая потребность нырнуть в убежище. Пока я проделал положенные двадцать шагов, шея взмокла от пота. Солнце все еще сияло в небе подобно сердитому глазу. «Тебя увидели!»

Кишки мои сжались в узел, и я зашагал быстрее. Очень хотелось выпить.

Эми Эллиот

8 января 2005 года

Страницы дневника

Тра-ля-ля! Я улыбаюсь, как обретшая семью сирота, когда это пишу. Даже слегка неудобно, что я такая счастливая, будто болтающая по телефону девчонка из онлайн-комиксов «Техниколор», еще бы добавить волосы, собранные в конский хвост, да речевой пузырь над головой: «Я познакомилась с мальчиком!»

Но ведь это правда. Самая настоящая правда жизни. Да, я встретила парня — высокого, сильного, прекрасно одетого, с чувством юмора и крутой задницей. Позвольте мне подробно описать всю сцену, поскольку она достойна быть сохраненной в памяти потомков. О нет! Только не думайте, что я нафантазировала себе потомство! Фи!

Но все по порядку. Новый год еще не наступил, но было до него рукой подать. Зима: рано темнеет, на улице собачий холод.

Кармен, одна из моих новых подружек — так себе подружка, чуть-чуть; бывают подружки, которым неудобно отказывать, — пригласила меня в Бруклин, на вечеринку с писателями. Мне нравятся вечеринки с писателями, мне нравятся писатели, я родилась в семье писателей, я сама писатель. Мне все еще в кайф, как пишется это слово — ПИСАТЕЛЬ — в любом документе, в любой анкете, где есть вопросы о роде моей деятельности. Ну, допустим, я составляю персональные опросники, а не даю главные новости на первую полосу, но все равно, как мне кажется, этого достаточно, чтобы заявить: я писатель. Работа в журна-

ле — временная, она нужна, чтобы оттачивать навыки, копить наблюдения и вникать в детали. Чтобы потом не болтали, будто я такая же бестолковая, как и все писаки. Лучше один раз увидеть, и все такое. Снова наползает улыбка удочеренной сиротки: ну согласитесь, все это не так уж маловажно. Я серьезно считаю, что мои анкеты сами по себе поднимают меня на более высокий профессиональный уровень. Разве я не права?

На вечеринке вы попадаете в окружение настоящих и даже талантливых писателей, которые сотрудничают с высококлассными, важными газетами и журналами. А вы зарабатываете тем, что составляете анкеты для женского листка. Когда вас спрашивают насчет профессии, вы:

- а) смущаетесь и мямлите: я всего-навсего автор глупых викторин;*
- б) обижаетесь: я настоящий писатель, а сейчас я в поисках серьезных предложений; кстати, сами-то чем промышляете?*
- в) с гордостью рассказываете о своих достижениях: я готовлю персональные опросники, используя глубокие познания в психологии; у меня степень магистра, между прочим, и кстати, еще один факт: я прототип героини популярной книжной серии для детей, вы об «Удивительной Эми» разве не слышали? Нет? Ну, тогда курите бамбук, снобы!*

Ответ: в), и только в).

Но хватит об этом.

Вечеринку устраивал один из друзей Кармен, промышляющий журнальными рецензиями на тему киноискусства. Весьма забавный малый, по утверждению той же Кармен. Я боялась, как бы она не затеяла меня с кем-нибудь свести. Мне неинтересны запланированные знакомства. Нужно, чтобы мужчина сидел в засаде и нападал неожиданно, этакий хищный зверь-любовник. Иначе тушуюсь. Изо всех сил стараюсь быть обворожительной, потом лезу вон из кожи, чтобы настоящей обворожительностью замаскировать фальшивую обворожительность, и наконец превращаюсь в Лайзу Минелли. Танцую в трико с блестками и умоляю полюбить меня. Котелок, джаз-хэнд и улыбка на тридцать два зуба.

Нет, я понимаю Кармен, которая липнет к своему приятелю. Он ей нравится, и это отлично.

Мы поднимаемся на три пролета по раздолбанным ступенькам и заходим в душное помещение, полное писателей. Куча солнцезащитных очков и растрепанных шевелюр, ковбойских рубашек и водолазок всех цветов радуги, черные суконные пикоты свалены на банкетку, и вся эта гора сползает на пол. На стене постер «Побега» на немецком («Ihre Chance war gleich Null!»¹). Из стереоколонок поет Франц Фердинанд: «Take Me Out».

Парни толкуются у карточного столика, где составлена вся выпивка, подливают себе после каждой пары глотков, так как выпивки мало, а в большой семье клювом не щелкают. Я протискиваюсь между ними, подставляя пластиковый стаканчик, словно уличный музыкант, получаю горсть кубиков льда и пару глотков водки от парня со слащавым лицом, одетого в футболку «Космические захватчики».

Вскоре на всех остается бутылка убойно-зеленого яблочного ликера. Это если, как с иронией заметил хозяин, кто-нибудь не сгоняет за выпивкой. Но самопожертвование маловероятно — каждый утверждает, что именно он бегал в прошлый раз. Здесь послерождественская вечеринка, гость напраздновался до тошноты, он ленив и недоволен одновременно. Вечеринка, где слишком много пьют и долго подбирают мудреные выражения в спорах, выдыхая сигаретный дым в форточку даже после того, как хозяин просит выйти на улицу. Мы уже сказали другу другу все на тысяче вечеринок в минувшие праздники, и говорить больше не о чем, но мы скучаем тут все вместе, потому что не хотим идти на мороз; у нас ломит кости от хождения по лестницам в метро.

Я бросила Кармен с ее щеголем-дружком — они что-то обсуждали в углу кухни, ссутулившись и сблизив лица так, что смахивали на сердечко с валентинки. Ну и ладно. В желудке посасывало, и я размышляла, где добыть еды, озираясь в центре комнаты, как ребенок, впервые попавший в закусочную. Но уже практически ничего не осталось. Какие-то обломки карто-

¹ «Их шансы равны нулю!» (нем.)

фельных чипсов на дне огромной тарелки фирмы «Тапперваре». Блюдо с овощным ассорти из супермаркета — привядшая морковь, пожухлый сельдерей и спермовидный дип-соус — стояло на кофейном столике нетронутым, если не считать торчащие из еды окурки, точно дополнительные призы.

Меня часто тянет на импульсивные поступки. А что, если прыгнуть в партер прямо с театрального балкона? А что, если поцеловать по-французски бродягу, сидящего напротив в вагоне метро? А что, если усесться на пол посреди шумной вечеринки и съесть все, что ни есть на этом блюде, включая хабарики?

— Не ешьте ничего отсюда, — произносит голос.

Это он (па-па-па-ПАМ-М-М!), но я еще не знаю, что это он (па-па-ПАМ-М-М!). Пока я знаю, что это парень, который заговорил со мной. У него налет самовлюбленности, такой же, как у ироничного чувака в футболке, только этому самомнению более к лицу. Передо мной тип мужчины, который умеет себя подать, умеет понравиться женщине, умеет трахнуть ее как следует. А я не прочь потрахаться как следует! Жизнь все время подсовывает мне три типа мужчин. Опрятные члены Лиги плюща, которые мнят себя персонажами романов Фицджеральда. Прилизанные парни с Уолл-стрит, у которых знак доллара не только в глазах, но и в ушах, и во рту. И утонченные интеллигентные мальчишки, до того манерные, что тебя постоянно разбирает смех. Персонажи Фицджеральда в постели склонны к бессмысленному подражанию порно, много шума, акробатики и никакого толку. Финансисты слабы и быстро отворачиваются. Деликатные умники трахаются так, словно сочиняют математический рок, — эта рука отбивает аккорды здесь, а этот палец задает басовый ритм тут.

Я не слишком ли развратной выгляжу? В паузе пересчитываем, сколько их было. Одиннадцать? Неплохо... Но мне всегда казалось, что двенадцать — вот хорошее, солидное число. Если закругляться, то на нем.

— Нет, правда, — продолжает номер двенадцать (Ха!). — Отойдите подальше от подноса. У Джеймса есть еще кое-что в холодильнике. Целых три вида блюд. Как относитесь к маслинам с горчицей? Маслина там, правда, только одна, но все-таки...

«Маслина там, правда, только одна, но все-таки...» Не пик остроумия, но бывают такие особые шутки, для внутреннего употребления, которые с годами становятся все забавнее. Это из-за ностальгии. Я представляю, как год спустя мы будем шагать по Бруклинскому мосту на закате и кто-нибудь из нас обязательно шепнет: «Маслина там, правда, только одна, но все-таки...» И мы будем хохотать.

Тут я спохватываюсь. Ужас! Если бы он догадался, чего я себе намечтала на целый год, то бежал бы без оглядки, а это в мои планы не входит.

Я много улыбаюсь, но это в основном потому, что он супер. Красавец — глаз не оторвать; просто шизеешь от такого великолепия. Подмывает обратиться с неуклюжим: «Сам-то хоть знаешь, какой ты обалденный?» И дальше завяжется беседа. Держу пари, все записные ловеласы терпеть его не могут. Он напоминает богатенького подонка из подростковых фильмов восьмидесятых. Такой задирает чувствительных неудачников, пока не получит тортом в физиономию, — и вот он стоит дурак дураком, а взбитые сливки текут ему за стилижно поднятый воротник.

Но этот парень так себя не ведет. Его зовут Ник. Хорошее имя, оно помогает ему выглядеть симпатичнее и нормальнее. Да он такой и есть. Когда Ник представляется, я отвечаю:

— Да, это удачное имя.

Он улыбается и пускается в рассуждения:

— Верно. Ник как раз тот парень, с которым можно просто попить пива. Тот парень, который не помнит, тошнило ли вас в его машине. Ник!

Он выдает подряд несколько жутких каламбуров. Я улавливаю от силы три четверти цитат из кинолент. А может, и две трети. (Узелок на память: взять в прокате «Верняк».) Он снова наливает мне спиртного, даже не спрашивая разрешения, при этом находит более-менее пристойный стакан. Он претендует на меня, он пометил меня: «Я успел первым, теперь она моя». И это здорово. Особенно после моего последнего нервного, мягкотелого парня эпохи победившего феминизма. У Ника широкая улыбка — улыбка сытого кота. Как будто он сейчас выплюнет

лимонные перья канарейки Твити. Он не спрашивает, чем я зарабатываю на жизнь, и это очень тонкий ход. (Между прочим, я писательница, чтоб вы знали.) Он беседует со мной на плавном говорке уроженцев Миссури. Рассказывает, что родился и вырос на окраине Ганнибала, на родине Марка Твена, где тот черпал вдохновение для «Тома Сойера». Рассказывает, как подростком работал на пароходе — ужин и джаз для туристов. А когда я смеюсь — нагловатая, своевольная нью-йоркская девчонка, которая никогда не рисковала съездить в эти огромные внутренние штаты, штаты, где живут совсем иные люди, — он сообщает, что Миссури — волшебный край, в мире нет земли красивее, нет штата величественнее. При этом глаза его такие озорные, а ресницы такие длинные! Легко представить, каким он был в детстве.

Мы уезжаем в одном такси. Уличные фонари делают дорогу полосатой, даже кружится голова. Шофер давит на газ, будто мы уходим от погони, но в двенадцати кварталах от моего дома мы застреваем в классической неожиданной нью-йоркской пробке. Ныряем из такси в холод и пустоту.

Что потом? Ник провожает меня домой, легонько обнимая за талию, а наши лица зябнут. Свернув за угол, мы видим, как местная пекарня разгружает сахарную пудру, — мешками, как цемент, их заносят в подвал. Призрачные тени грузчиков плывут в белесом сладком мареве. Улица качается под ногами, Ник притягивает меня к себе и улыбается. Берет мой локон и пропускает между пальцами. Дважды дергает, будто звонит в колокольчик. Его ресницы припорошены пудрой, а потом он склоняется и слизывает сахар с моих губ, словно пробует меня на вкус.

Ник Данн

Тот день

Я толкнул двери нашего бара и окунулся в полумрак, сделав первый за этот день по-настоящему глубокий вдох. Поймал запахи сигарет и пива, специфический аромат бурбона, застоявшуюся вонь пережаренного попкорна. Внутри сидел один-единственный клиент — привычное место за дальним концом барной стойки занимала старушка Сью, которая каждый четверг приходила сюда с мужем, пока тот не умер месяца три назад. Она продолжала появляться по четвергам, ни с кем не разговаривала, а просто сидела с пивом и кроссвордом, соблюдая привычный ритуал.

Моя сестра работала за стойкой. Волосы она закрепила заколкой, как девочка-простушка; покрасневшие руки ополаскивали бокалы мыльной водой и наливали в них пиво. У Го стройная фигура и необычные черты лица; трудно назвать ее непривлекательной. Нужно только уделить минутку и оценить по достоинству широкие скулы, аккуратный нос и круглые глаза. В ту эпоху, когда в фильмах снимались подобные типажи, мужчины сдвигали бы перед ней на затылок фетровые шляпы, присвистывали и восклицали: «Вот это я понимаю!» Лицо королевы такой экзотики, как кино тридцатых годов, не всегда соответствует нашим представлениям о феях сего времени, но моя сестра, сколько я ее помню, нравится мужчинам, и это одновременно вселяет в меня гордость и тревогу за Го.

— А мясной хлеб с паприкой сейчас еще делают? — спросила Го вместо приветствия, не поднимая глаз, просто догадавшись, что это я зашел.

Я ощутил умиротворение, как всегда в ее присутствии. Может быть, наше дело и не приносит большой прибыли, но живы будем — не помрем.

Го — моя двойняшка. Я так часто произносил эти слова, что они превратились в молитву, в успокоительную мантру. Мы родились в семидесятые, когда двойняшки были столь же редки, как единороги или эльфы. Похоже, мы чувствуем друг друга телепатически. Во всем мире не найдется еще человека, с которым я ощущал бы такое близкое сродство. Мне не нужно объяснять ей свои поступки. Я не растолковываю, не переживаю, не мучусь сомнениями. Я не говорю ей всего с некоторых пор, да и никому не говорю всего, но я ей говорю все, что можно сказать. Девять месяцев мы провели спина к спине, прикрывая друг друга. Это стало привычкой на всю жизнь. И мне все равно, что она девчонка, — правда, странное отношение для такого застенчивого паренька?

Что еще сказать? Марго всегда была крута.

— Мясной хлеб с паприкой — это колбаса такая, что ли? — спросил я. — Наверное, еще делают.

— Надо бы нам прикупить немного, — проговорила она, выгнув бровь. — Интересно, что за штука.

Не задавая вопросов, она плеснула мне крепкого пива в кружку сомнительной чистоты. Заметила, что я рассматриваю испачканный ободок, поднесла бокал к губам и слизнула пятно, оставив капельку слюны. Поставила передо мной на картонный квадратик:

— Так лучше, мой повелитель?

Го всегда считала, что я был родительским любимчиком. Просто потому, что я мальчик, единственный ребенок, чье появление планировали, а она пробралась в этот мир незаконно, вцепившись в мою лодыжку. Нежеланный гость, а для нашего отца так весьма нежеланный гость. Она считала себя лишней, особенно в детстве, влача жалкое существование: редкие обновки из магазинов готового платья, ограничения в расходах, все-

общая жалость. Во многом ее рассуждения совпадали с истинным положением дел. Я это вполне допускаю.

— Да, моя жалкая рабыня. — Я царственно повел рукой.

И принялся за пиво. Нужно посидеть и выпить пару бокалов. А лучше три. Мои нервы пошли вразнос с самого утра.

— Что с тобой? — спросила Го. — Какой-то ты взвинченный.

Она брызнула в меня пеной, в которой воды было гораздо больше, чем мыла. Внезапно заработал кондиционер, взьерошив волосы на наших головах. В баре мы проводили больше времени, чем необходимо. Он стал для нас кружком по интересам, которого в детстве мы были лишены. Однажды ночью, подвыпив, мы вскрыли старые коробки в подвале дома нашей мамы. Тогда она еще бодрилась, но смерть уже стучалась в двери. Желая хоть как-то отвлечься, мы вытащили и разобрали все игрушки и настольные игры под аккомпанемент охов и ахов, в перерывах между глотками баночного пива. Получилось этакое августовское Рождество.

После смерти матушки Го перебралась в ее старый дом, а игрушки мы потихоньку перетащили в наш «Бар». Например, неожиданно для меня на табурете появилась кукла Земляничный Шоткейк, практически лишившаяся аромата, — мой давешний подарок Го. А на угловую полку встал маленький «шевроле эль камино» фирмы «Хот вилс», без одного колеса, — ее ответный подарок.

Мы даже подумывали организовать вечер настольных игр для посетителей, хотя большинство наших клиентов были слишком дряхлы, чтобы восхищаться воспоминаниями о «Голодных бегемотиках» или игре «Жизнь» с малюсенькими пластмассовыми автомобилями, которые надо заполнять родителями и детьми размером с булавочную головку.

«Что-то я не запомнил, как ты выиграл». (Афоризм дня от «Хасбро».)

Го снова налила мне пива, а потом и себе. Веко на ее левом глазу слегка опустилось. Время близилось к полудню, к 12:00, и я задался вопросом: это который у нее нынче бокал?

Марго пережила ухабистое десятилетие. Моя сестра — финансистка с мозгом космического инженера и духом наездника

родео — в конце девяностых закончила колледж и перебралась в Манхэттен. Она одна из первых доткомовских феноменов — срубила сумасшедшие деньги, а потом угодила в Интернет-пузырь двухтысячного. Но катастрофа не сломила Го. Возраст у нее был ближе к двадцати, чем к тридцати, и выглядела она что надо. Во втором акте жизненной драмы она получила ученую степень и окунулась в теневой мир банковских инвестиций. Держалась в середнячках — ничего чересчур роскошного, ничего предосудительного, — но потеряла работу очень скоро, в 2008 году, когда финансовая система пошла к черту. Я даже не знал, что сестра покинула Нью-Йорк, пока она не позвонила из маминого дома со словами: «Я сдаюсь». Я уговаривал вернуться, льстил самолюбию, но Го отвечала лишь напряженным молчанием. Повесив трубку, я, озабоченный, совершил паломничество в Бауэри и там, в квартире сестры, увидел ее любимый фикус по имени Гарри умирающим, с облетевшей листвой, изгнанным на площадку пожарной лестницы. Тогда я понял, что она не собирается возвращаться.

Казалось, работа в баре взбодрила ее. Она вела бухгалтерию, разливала пиво. Довольно регулярно тянула мелочь из банки для чаевых, зато и работала больше, чем я. Мы старались не вспоминать прежнюю жизнь. Мы Данны, мы делаем свое дело и, как ни странно, довольны судьбой.

— Ну и что? — спросила Го.

Обычно этими словами она и начинала разговор.

— А...

— Что «а»? «А» — это плохо? Ты неважно выглядишь.

Я пожал плечами, и сестра внимательно посмотрела мне в лицо:

— Эми?

Легкий вопрос. Я снова пожал плечами — проверенный временем знак «а что поделать?».

Го состроила удивленное лицо и, опираясь локтями о барную стойку, расположила подбородок на ладонях — приготовилась отпустить шпильку насчет моей семейной жизни. В этом занятии она поднаторела.

— Так что за проблема?
— Трудный день. Всего-навсего трудный день.
— Ты слишком трясешься над ней. — Го закурила, пустила струйку дыма мне в лицо. Она курила по одной сигарете в день. — Все женщины чокнутые.

Моя сестра не относила себя к женщинам и даже само это слово всегда произносила с насмешкой.

Я дунул навстречу дыму, возвращая его хозяйке.

— У нас сегодня юбилей. Пять лет.

— Вау! — Го запрокинула голову. Она была у нас подружкой невесты — вся в нежно-фиолетовом, волосы цвета воронова крыла украшены аметистами, а мать Эми помогала ей наряжаться, но какой-то там юбилей, по ее мнению, не стоил того, чтобы напрягать память. — Черт побери! Твою мать, красавчик! Так быстро... — Она опять дунула дымом в мою сторону — пассивный способ заработать рак легких. — И она что, собирается устроить... ну, как вы это называете... мусоросборку?

— Охоту за сокровищами, — поправил я ее.

Моя жена обожала игры. По большей части те, которые требовали умственных усилий, но и обычные игры тоже. В каждую нашу годовщину она тщательно организовывала сложные поиски клада. Каждый ход требовал разгадки некоего ключа, и с каждым шагом я продвигался все дальше и дальше, пока в конце концов не получал заслуженную награду. Я думаю, ее папаша устраивал для ее мамы подобные развлечения в юбилейные дни, и не думайте, что я не считаю себя обязанным выполнять гендерную роль. Но я рос не в семье Эми, а в своей, а потому отлично помню последний подарок отца маме — тяжелый уют, даже без обертки или коробки, мрачно выставленный на кухонный стол.

— Будем держать пари, как она разозлится на тебя в этом году? — спросила Го, улыбаясь над краем бокала.

В охоте за сокровищами с Эми меня подстерегала вечная проблема — я никак не мог угадать нужный ключ. В нашу первую годовщину, еще в Нью-Йорке, я отыскал два из семи. И это был лучший год!